

Надежда Нелидова

Топот балерин

Топот балерин

— Вообрази, учёные сделали открытие века! Доказали, из-за чего вымерли неандертальцы. Сейчас по телевизору объявили. У первобытных людей мутировал ген. Женский организм начал отторгать мужское семя!

Ужас, правда? Сегодня человечеству грозит та же опасность: снова безобразничает ген. Ви-до-из-ме-ня-ет-ся! Только что сказали по телевизору. Сенсация! Учёные выяснили причину: из-за фастфуда! Женская суть не принимает мужское естество. Что ты насчёт всего этого думаешь? — тревожится Талия.

— Не знала, что неандертальцы баловались фастфудом. Мозг у твоих учёных мутировал — вот что я насчёт всего этого думаю.

Талия устремляет вдаль глаза, затуманенные от собственной невыносимой красоты. Взмахивает тяжёлыми ресницами, овевая меня вентиляторным сквознячком. Обдумывает то, что я сказала. Встряхивает серебряными кудряшками, как у купидончика, правда, основательно поредевшими.

— Ай, ну тебя. Вечно со своими смешками. Где ты, а где учёные.

Действительно. Учёные, со своими сенсационными открытиями и любовницами, где-нибудь на симпозиумах на Гавайях. Обнаружили зависимость неандертальцев от фастфуда, получили нехилые государственные премии и копятся на солнышке, прыгают с яхт прямиком в Тихий океан.

А я, закутанная, как фриц в 1941 году, сижу на диване, поджав ноги в валенках на шерстяной носок. Плохо топят. До батарей, как до остывающего покойника, неприятно дотронуться.

Рядом в грациозной позе, предполагающей фотосессию, расположилась Талия. Но она похожа не на фрица, а на модель, демонстрирующую на подиуме серию «Русская зима-2018».

Косичка, туго, до скрипа заплетённая в «колосок». Увы, уже не коса и уже не золотая, сходится в мышиный хвостик. Только на лбу и висках лёгкие, как дым, завитки непокорно выбились из плетения.

Как она воевала с кудряшками всю жизнь, добиваясь маленькой гладкой головки! Обильно закалывала невидимками со всех сторон. Обливалась убойным лаком «Прелесть» (других не было), так что на голове образовывалась клеевая корочка, шлем. Голова под ним нестерпимо зудела.

На ногах у Талии беленькие пушистые унты.

Сама одета в отороченную песцом, вышитую стразами парку. Только кокошника не хватает.

Что ни говорите, а очень много значит, когда женщина следит за собой, до конца остаётся женщиной.

Унижает опухшие пальцы массивными серебряными перстнями. Вдевает в страшненькие, оттянутые тестяными шишками мочки ушей драгоценные камни. Вешает на грудь — вернее, на её отсутствие, на тощую впалость — дорогую бижутерию.

Настоящая женщина заботится не об узелке с тёмненьким «смёртным», как её сверстницы. Больше всего её беспокоит, чтобы и *после ухода* она выглядела непременно, как дорогая кукла в коробке.

А потому заранее согласовывает, обсуждает с подружками последний наряд и грим. Платье, туфельки, которые всё равно никто под простынёй не увидит. Укладку, косметику. Тон румян, теней и губной помады. Лак на ногтях.

Щебечет, делает наброски, фантазирует, перебирает альбомные фото. Оживлённо дискутирует, волнуется, спорит, доказывает, обижается... Шум, гам, писк, хохот.

Не важно, кто первый из подружек окажется в кукольной коробке.

Её разбухшая записная книжка полна

контактами. Личный доктор, пластический хирург, психолог, парикмахерша, закройщица, косметичка, массажистка, домработница.

В последнее время рядом с ними появляется новый, очень важный телефон. Весьма экзотического и модного нынче специалиста: танатокосметолога.

Кто не знает: Танатос — бог смерти.

* * *

...Итак, я — фриц недобитый, Талия — артистка и модель. Я — вечная служка, слушательница и зрительница. Она — центр внимания, гвоздь программы, пуп земли.

Она — вся из себя. Я — вся в себе. Единство противоположностей. Притяжение разно заряженных частиц.

До совершеннолетия она звалась Надеждой. Красивое, мощное, одухотворённое русское имя.

— Фу, — морщилась Талия, тогда ещё Надежда. — Не имя, а лозунг. Твёрдое, грубое, неженственное. Революционное (привет Надежде Крупской). Шкрябает слух, как наждачная бумага. В нём есть что-то от железной дороги. От зала ожидания. Сочетание букв «ж» и «д».

Надя предупредила мать, что как только ей стукнет восемнадцать — поменяет имя. Мамаша

закатила скандал. Они всю жизнь цапались, жили как кошка с собакой.

Надюхе нравилось мягкое «ля». Оля, например. Юлия — ещё лучше, грациознее. Но заезженно. Талия — самое то. Богиня изящества, прелести и красоты.

В то время мы только подружились. Я услужливо подсказывала:

— Тогда логично поменять и фамилию. На Тонкую, допустим. Или на Божественную. На Изумительную. В крайнем случае — Осиную. Или вот: выступает Талия Рюмочная! Звучит?

— Ай, вечно ты со своими смешками.

Фамилию Талия взяла от первого мужа. Тоже ничего: Генералова. Хотя это с какой точки зрения посмотреть.

«Чьих будете?» — «Да генераловы мы с испокон веку, Ваше пресходисство. Наша деревенька в крепости у барина, генерала-аншефа Бухаева».

Холопское происхождение фамилии ничуть не смущает Талию.

— Ай, вечно ты...

Талия (для меня просто Талька) — профессиональная балерина. Закончила областное хореографическое училище. Не прима. Хотя ах как смотрелась бы полуметровыми буквами на афише и заглавными — в программке. ТАЛИЯ

ГЕНЕРАЛОВА! И — статуэточная, фарфоровая фигурка на одной ножке. Отдельно — лицо крупным планом.

Вообще-то в балерине главное — ноги, но у Талии в довесок к ногам шло ЛИЦО. Хотя это ещё вопрос, что к чему в довесок.

И очень было обидно, что главного достоинства: лица — как раз никто из публики и не видел.

Ослепительный цветной кругляшок прожектора преследовал и догонял Одетту-Одиллию, Жизель, Раймонду и Сильфиду. Кого угодно, с их килограммами театральной штукатурки на лице и клацающими пластмассовыми ресницами — только не красотку Талию.

Она, прелестница с таким подходящим для афиш именем — танцевала даже не вторые партии, а в кордебалете. В вульгарной подтанцовке.

Большей частью переминалась на заднем плане с фигурантками, подругами по жгучему несчастью. Вместе со всеми замирала, как болванчик, послушно и якобы восхищённо поворачивала головку вслед за солистками — задаваками и воображалами.

Служила живой картиной в полутёмной глубине сцены. Практически декорацией. Ах, такое лицо пропадало...

* * *

Между прочим, нести в себе красоту может только очень сильная женщина. Слабачкам тут не место. Красавица не позволит себе ни на секунду расслабиться. Вечное напряжение. Всюду враг.

У женщины может быть беззащитный, умоляющий взгляд и фигурка, которую, кажется, легко переломить нажатием двух пальцев. Это видимость слабости, оберег, мимикрия своего рода, её главное оружие.

Не верьте прелестнице. Она сильнее трёх дюжин атлетических мужчин, вместе взятых.

Стоит красотке появиться в общественном месте, как все присутствующие женщины начинают испытывать смутное беспокойство.

Непроизвольно напрягаются, подтягиваются, кожей чувствуя неприятельское присутствие. У них шевелятся ноздри, леденеют ступни и ладони, поджимаются губы и животы.

Поистине, нужно обладать мужским характером и незыблемым, могучим духом, чтобы успешно отражать несущиеся со всех сторон волны, ураганы, торнадо женской неприязни, недоброжелательности.

Нет, мягко сказано: чёрной зависти, испепеляющей ненависти. Сглаза, порчи,

пожеланий охрометь, ослепнуть, оглохнуть, облысеть, обезножить, помереть...

* * *

Талия доставала мне контрамарку в первый ряд: у самой оркестровой ямы, в партере. Звучит пышно — а на самом деле сидишь, задрав голову, до ломоты и онемения в шейных позвонках. Любуешься красной от напряжения, жирной, энергично вздрагивающей лысиной дирижёра.

Я высматривала свою подружку в цветной, плюшевой пыльной полутьме. Нам порой удавалось «переговариваться» глазами.

Декорации замирали, оживали, шевелились, раскачивались. Иногда меняли место дислокации.

Срывались с места, перебежали на цыпочках. Талия небрежно сыпала изящными словечками: амбуате, андиор, па де буре...

И было удивительно, как такие тонюсенькие, эфирные тельца производят сотрясение сцены и топоток. Ну, не топот — а что-то вроде тупого козьего постукивания. Его явственно слышишь в первом ряду даже сквозь гром и звон оркестра: очень отвлекает от действия.

Да чего там. Когда невесомая фея Драже, исполняя партию, — парила и прыгала, свивала и развивала гибкий стан, быстрой ножкой била ножку

и летела как пух от уст Эола по сцене нашего старенького театра— некрашенные, сколоченные между собой пласты из деревянных половиц тяжело вздыхали и прогибались.

Талия приносила домой истрёпанные пуанты. Жаловалась, что за месяц их рвётся по три пары.

Брала цыганскую иглу и принималась штопать тупой, как валенок, срезанный и подшитый неопрятный, грязный кончик туфельки. Из-под розового атласа виднелась неприглядная изнанка: лопнувший, растрескавшийся то ли картон, то ли рогожка.

Становилось понятно, каким изнуряющим, грубым физическим, мужичьим трудом даётся эта обманчивая воздушность.

* * *

— О чём ты?! Какая эстетика, какая одухотворённость? Сказки для дурочек.

Из Талькиных воспоминаний об учёбе — самое жгучее: постоянное чувство голода и холода. И страшного одиночества.

В училище элементарная дедовщина. Если кого невзлюбят и девчонка окажется слабачкой — затравят. Стойкий оловянный солдатик — вот кем должна быть танцовщица, а вовсе не воздушной, бумажной андерсеновской фигуркой.

— Вечно мёрзли. Вставали затемно. Бесконечные экзерсисы: до упада, до полуобморока. В зале холод собачий. Вспотеешь — озноб. Вспотеешь — озноб... Простуды и травмы — привычное дело, как для портнихи палец иголкой уколоть.

Для педагога мы — кусок мяса. Комок костей, сухожилий и мышц. Щупает холодными, твёрдыми медицинскими пальцами, давит, грубо, больно мнёт. Прислушивается: разогрелись ли, растянулись ли, разработались?

Сделаешь оплошность — палочкой, палочкой пребольно: по спине, ноге, руке, плечу. Щиплет иезуитски, впиваясь ногтями с вывертом — ужасно больно. Кричит, как цыган на лошадь: «Норов, кураж! Где кураж, я спрашиваю, бегемотиха?!». Только слёзы носом втянешь.

Талия вздыхает и неожиданно подытоживает:

— Ничего удивительного, что балерины зачастую фригидны, а среди танцовщиков так много геев... У нас парни вообще были на вес золота: восемь девок — один я. Над ними и угроза отчисления не висела, и требования не такие драконовские предъявлялись.

Правда, в основном, они и служили чем-то вроде штативов для поддержки артисток. Нуриевых — единицы. Нет, не так: Нуриев — он и есть Нуриев, один-единственный.

Талия рассказывала, как познакомилась с первым мужем.

Среди зрителей сидел юноша. Не сводил с неё глаз. Во время представления держал сложенные перед грудью ладони, будто молился на икону. Брал одно и то же место в одном и том же ряду.

— Я в восьмом ряду, в восьмом ряду, меня узнайте вы, маэстро! — подхватывала я.

— Ай, вечно ты со своими!

И, значит, в руках юноша держал всегда — одну крупную розу. Не простую, а райскую: сорт «эдем роуз». Откуда-то прознал, что это любимый цветок Талии.

От перевозбуждения терзал несчастное растение. Потом подходил к сцене и смущённо клал у её ног нечто жалкое, вялое, комканое: в мятом целлофане, со сломанным стеблём, с осыпавшимися наполовину лепестками.

Шубы? Бриллианты? Откуда, балда, у студента-то?! Зато у него была совершенно демоническая, байроническая внешность. Бледность, мрачность, сила и страсть — всё это обрамлено, заключено в рамку из спутанных кудрей.

Тёмные кудри и зелёные глаза. Смешанная

кровь: мама русская, отец осетин. Оба погибли в аварии год назад.

— Видела Тома Харди в «Грозном перевале», в роли Хитклиффа? Вот такой он был. Я, прямо, когда вблизи увидела, чуть в трусы не кончила!

И это говорит щепетильная Талия, когда-то красневшая от слова «пердимонкль»!

Вообще, в современной литературе чрезвычайно модно женское сквернословие. Очень пикантно выглядит, когда утончённая, рафинированная дама — нежным, хрустальным голосом выругается грязно, как сапожник.

Сегодня Талия спокойно может сказать мне: «Ну что, зассала?». Или: «Ты в полной жопе». Или: «Не будь я сукой».

(...Уф-ф! Наконец, и я перешагнула через себя. Хоть тушкой, хоть чучелком, хоть левым боком прилепилась к популярной современной женской литературе).

* * *

Итак, они влюбились: прекрасная Талия и юноша с холопской фамилией Генералов и коммунальным именем Юра.

Как я упоминала, с матерью у Талии были всегда сложные отношения. Не как у дочки с мамой — а женские, сопернические, ревнивые. Она её не

пригласила ни в загс, ни на свадьбу.

Была бедная, но шумная и трескучая студенческая вечеринка в общежитии для будущих инженеров: там учился жених.

Вечер немного омрачил скандал. Молодой уже тогда показал скверный, неуживчивый характер. Приревновал невесту к одному гостю, москвичу — вот дурак, говорила Талька.

Спыхватился, что Талии давно нет за столом. Вышел в коридор, спустился на лестничную клетку. А московский гость и невеста... обжимаются и отчаянно целуются! Фата валяется у мусоропровода на полу.

Выскочили дружки жениха, мордобой, визг. Чуть в суматохе, спяну не вызвали милицию. Вовремя опомнились. Московского гостя с позором изгнали, навешав тумачков.

На прелестную, слегка помятую невесту водрузили слегка запачканную фату. Вернули на законное место возле жениха. Со вздутым, покусанным, пламенеющим ротиком она была ещё обворожительнее.

Тогда ведь ещё не кололи в губы всякую химию и дрянь: вроде силикона, гиалауронки и ботокса. Их прекрасно заменяли жаркие и долгие поцелуи взасос.

Приятно, без оперативного вмешательства, натурально и экологически чисто. И бесплатно. И

можно сколько угодно, вновь и вновь, без ущерба для здоровья, обновлять результат увеличения губ.

— А не будь лапшой — из-под носа уведут, — дерзко сказала она загрустившему жениху. И получила первую оплеуху.

— Милые бранятся — только тешатся, — мудро резюмировала свадьба. И телега молодого веселья оглушительно загромыкала дальше.

* * *

У них была идеальное слияние в постели. Как у пуанта и ножки. Как у замочка и ключика. Как у болтика и гаечки.

Талия рассказывала, как она по утрам просыпалась рядом с Юркой и первым делом начинала рыдать.

От чего? От невыносимости счастья (а вы думали? Даже счастье может быть невыносимым).

От несправедливости, что когда-нибудь оно кончится: всё на свете имеет конец.

От страха, что однажды явится разгневанный Бог и скажет, что ошибся адресом. И посылка, туго набитая любовью, полагалась другим адресатам, а вовсе не Талии и Юрию Генераловым.

Или скажет: «За всё в жизни надо платить». И назовёт совершенно неподъёмную, невообразимую цену.

А то вдруг Талька воображала похороны. Юрка умер... Лежит в длинном гробу — весь такой, со своими расчёсанными байроновскими кудрями, в расстёгнутой на груди белой шёлковой рубашке.

— С чего он вдруг бы помер?!

— Ай, ты ничего не понимаешь.

Похороны, как и любое массовое мероприятие — вводят людей в транс.

Люди вообще слабы духом и подвержены трансу (и это дело давно просекли шаманы и шоумены). Срабатывает стадный инстинкт.

Будь то карнавал — все поддаются гипнозу бурного веселья, резвятся, пляшут и хохочут.

Будь то похороны. Там, с точностью до наоборот: искренно трясутся в плаче, бьются в истерике. Особенно если хоронят какую-нибудь знаменитость, и присутствует много зрителей.

Каждый чувствует себя участником спектакля и понимает, что свою роль нужно сыграть торжественно и блестяще.

Остальные смотрят, оценивают. Ждут своей очереди, чтобы блеснуть актёрским талантом. Подёргать, потрясти мускулами лица. Покривиться. Выдавить, исходя из темперамента: кто скупую капельку солёной влаги, кто обильный фонтан слёз. Или, напротив, стоять с мёртво-каменным выражением.

Вообще-то, настоящие чувства не могут быть

прилюдными и демонстративными — как вера в Бога, например. И хочется скорее спрятать покойника в землю — тогда всем будет легче. Так кажется.

На поминках люди постепенно выходят из гипноза. К ним возвращаются слух и зрение. Они встряхиваются, недоумённо оглядываются. Что это было? Расслабленно улыбаются, как только что вышедшие из магнетического сна. Выпив, даже хохочут и рассказывают за столом анекдоты. Огромное актёрское напряжение требует сброса. Им можно простить. Настоящее горе придёт завтра и надолго.

Но это я отвлеклась...

Так вот, на похоронах Талька зарыдает, кинется на тело и будет умолять её зарыть вместе с Юркой. А если не зарюют, она тут же и выпьет из пузырька яду.

Всё это она говорила очень серьёзно, глядя куда-то вдаль, крепко, судорожно тиская мои руки. А хватка у балерин, несмотря на subtilность их стебельковых ручек — железная, как у штангистов. Месяц синяки отходили.

Не понимаю, откуда у хохотушки Тальки, девушки компанейской, с прехорошенькой, крошечной пустенькой головкой, появлялись такие мысли?

Как это было давно!

А сейчас на дворе зима 2018 года. Талия вместе со мной смотрит показ мод по телевизору. Обращается к ходячим истуканчикам, по-солдатски марширующим, плоским, широким и худым моделям:

— Что ж вы вечно сердитые, недовольные такие? Губочки надули, бровки насупили, смотрите исподлобья? Чего вам ещё не хватает-то в жизни?

Сколько помню, у Талии на личике всегда розовел полуоткрытый ротик: с готовностью к улыбкам, колокольчиковому смеху и поцелуям. Влажно посверкивал лунными голубоватыми, мило выступающими, как у ребёнка, зубками. Всегда удивлённо распахивались навстречу, в ожидании неминуемого чуда, сияющие глаза. Большой ребёнок.

А ещё у неё была счастливая особенность: она могла есть сколько угодно — и не толстеть. То есть абсолютно. Да чего там, жрала как пылесос. Поглощала в невероятных количествах торты, пирожные, булки, макароны, картошку фри — и оставалась худышкой с трогательно торчащими ключицами и гурченковской сорокасантиметровой талией. Выделявшиеся калории давали энергию, ещё раз энергию и ничего, кроме энергии.

«На уборную работает», — с ненавистью шипели товарки.

Хроническое недоедание. Элементарный блокадный, безысходный голод — навечно надели на их личики неудовлетворённую, напряжённую, брюзгливую маску. Они бойкотировали Тальку. Щипали до кровоподтёков. Проходя мимо, толкали будто невзначай. И попробуй пожалуйста — ябеда! предательница!

Если среди обычных детей-зверёнышей развит стадный инстинкт, гнобление изгоев — то что говорить про балетных. Там самолюбие и соперничество гипертрофировано до чудовищных размеров. Иначе успеха не видать.

Априори не может быть дружбы среди балетных. Если только дружба против белой вороны.

Говорила же Талька про стойкого оловянного солдатика. Слабая девчонка — сломается. Сильная — сожмёт зубы — и к станку, к станку! И всю страстно сжатую, как пружину, боль и обиду станцует на сцене. Нет, не так: затанцует на сцене.

* * *

Однажды Талия, в лёгоньком сарафане-«солнышке», порхала по тротуару, ножки не касались земли. Все оглядывались и улыбались,

даже женщины.

Она пробежала мимо старинного, узорчатого деревянного дома в центре города. На нём висела табличка: «Музейная ценность. Охраняется государством».

Окна в доме были прозрачными, помытыми к майским праздникам. Талия любовалась собой в каждой окошке. Не удержалась — и перед одним остановилась. Стала прихорашиваться, кокетничать и причепуриваться перед стеклом-зеркалом, как Оксана из «Ночи перед Рождеством».

Вертелась обезьянкой, приседала, раскланивалась, делала книксены. Кружилась в арабеске (первом), чтобы марлевая юбка «солнышко» вздувалась парашютом и прохладно опадала вокруг ножек.

В окне возник дядька. Ему, наверно, до чёртиков надоели заглядывающие в низкое окно прохожие. Он приблизился и показал Тальке крупный, увесистый волосатый кулак.

До того дядька брился в глубине комнаты. Половина морды у него была в пышной мыльной бороде, и в левой руке он держал помазок.

Талька показала Карабасу-Барабасу розовый язычок, расхохоталась. Крутанулась ещё разок, выполнила антраша — и унеслась прочь, как мимолётное видение, как гений чистой красоты. И весь день у неё было замечательное настроение.